

Цзя Чжу прошёл вглубь комнаты и опустился на кан. Лишь тогда он удостоил взглядом распростёртых на полу слуг. Те ещё не успели опомниться от пережитого ужаса, и Чжу решил ковать железо, пока горячо, чтобы окончательно подавить их волю.

— Известно ли вам, — ледяным тоном начал он, — что в мой двор допускаются лишь преданные люди? Здесь отродясь не бывало никакой скверны, сюда даже бродячую кошку или собаку никогда не заманивали. И надо же — вы двое устроили такое непотребство прямо под моим носом! Вас поймали с поличным. Что скажете в своё оправдание?

Слова эти вывели провинившихся из оцепенения. Инхэ первая бросилась к ногам хозяина. Обливаясь слезами, она вцепилась в его колени:

— Молодой господин, пощадите! Пощадите! Меня ведь ещё семилетней девчушкой госпожа Ван приставила к вам на службу. Все эти годы я не знала ни сна, ни покоя, из кожи вон лезла, чтобы угодить вам, ни одной вашей просьбы не оставила без внимания! Не смею оправдываться перед вами, барин, но умоляю: сжальтесь! Вспомните мою верную службу, не выгоняйте из поместья! У меня ведь нет ни отца, ни матери. Если меня отдадут торговцам людьми, живой мне не остаться!..

Рядом с ней Иньши, не переставая, бился лбом о пол:

— Прошу вас, господин, смилуйтесь! Смилуйтесь на первый раз! Клянусь, больше подобного никогда не произойдёт. Простите нас!

Цзя Чжу не стал слушать рыдания служанки и повернулся к Иньши:

— Ты не принадлежишь к моему дому, тебя привёл твой молодой господин. Пожалуй, мне стоит просто передать тебя ему. Расскажу, какую бесстыдную штуку ты выкинул в моих покоях, да ещё и совратил мою служанку. Как думаешь, что он с тобой сделает?

Услышав это, Иньши застыл, словно поражённый громом.

— Ты прислуживаешь Линь Сююю больше десяти лет, — продолжил Цзя Чжу. — Он во всём на тебя полагается, неужто ты до сих пор не изучил его нрав? Он терпеть не может никакой подлости. Если он узнает, каким грязным делом ты занимался за его спиной, гнев его будет страшен. Он прикажет забить тебя палками и вышвырнет вон. Когда ты шёл на это, неужели ни на миг не задумался, как посмотрит на этот поступок твой господин?

Он снова перевёл взгляд на Инхэ:

— Записи о твоей кабале хранятся у меня. Ты права, я волен поступить с тобой как угодно. Сейчас я велю принести твои бумаги и позову торговца живым товаром...

От этих слов у обоих подкосились ноги, они задрожали как в лихорадке.

— Сжальтесь, господин! — взмолилась Инхэ, захлёбываясь слезами. — Накажите, побейте меня, я приму любую кару, только не продавайте! У меня просто не было другого выхода... Вы всегда были к нам милостивы, не относились к нам как к безродному скоту. Как после этого мы могли бы желать уйти от вас? Если бы дело было только в переводе в другие покои... Но ведь ваша матушка следит за вашим двором особенно строго. Нас с сестрой Лэнхэ прислали к вам совсем крошками. А недавно прошёл слух, будто госпожа Ван решила, что мы слишком выросли, можем стать излишне своенравными и сбить молодого господина с праведного пути. Говорят, в ваших покоях больше не оставят старших служанок — только малышек Суюнь и Биюэ, а нас хотят насильно выдать замуж за дворовых парней!

Инхэ перевела дыхание, утирая слёзы рукавом, и заговорила быстрее:

— Сестра Лэнхэ твердит, что ни за что не покинет ваш двор, а если её потащат силой — она разобьёт себе голову о стену! А меня... меня, поговаривают, хотят отдать за сына старого Шэня, что присматривает за лошадьми на заднем дворе. Но ведь все знают, что этот Шэнь-младший — хромоу бездельник, картёжник и горький пьяница! Барин... я ведь помню ваши собственные слова. Вы учили нас, что нужно самим думать о будущем, что жизнь в этом поместье не вечна. Вот я и решилась... С другими мужчинами нам видаться не дозволено, а Иньши постоянно сопровождает молодого господина Линя. Мы часто встречались. Я видела, что он вежлив, обучен грамоте — сразу видно, что воспитан в благородном доме. Потому я и... Смилуйтесь, барин, умоляю!

Выслушав этот сбивчивый монолог, Цзя Чжу всё понял. Он повернулся к притихшему Иньши и с едва заметной усмешкой спросил:

— Ну а ты что скажешь? Осмелился безобразничать в моей усадьбе. Надо полагать, ты уже всех девок в моём дворе перевёл?

Иньши испуганно забил поклоны:

— Помилуйте, господин, разберитесь! Как бы я посмел заигрывать со служанками из ваших покоев? Сделай я так, меня бы не только ваши слуги забили до смерти, но и мой собственный молодой господин спустил бы с меня шкуру! Я... у меня чувства только к Инхэ, на других девушек я даже взглянуть не смел, видит бог!

Вместо ответа Цзя Чжу достал из-за пазухи узелок «согласия сердца» — тот самый узорчатый шнурок, который недавно подобрал в переулке между усадьбами.

— Узнаёте вещицу? — спросил он, держа узелок перед их лицами.

Оба испуганно уставились на шнурок и побледнели.

— Вам повезло, что эту безделушку нашёл именно я, — спокойно продолжил Чжу. — Как бы я не узнал работу мастерицы, которая шьёт для меня столько лет? О вашей тайной связи мне известно давно. Сегодня я лишь хотел проверить, действительно ли ваши сердца бьются в унисон или вы просто сошлись ради минутной похоти.

Иньши поспешил подтвердить свои намерения:

— Клянусь честью, господин, не ради пустой забавы я стал ухаживать за Инхэ. Она лицом пригожа, скромна, да к тому же благодаря вашему воспитанию у неё есть собственный ум. Трудолюбива, добра, шьёт искусно — не чета изнеженным девкам из дома моего молодого господина. Сердце моё прикипело к ней... Каждое моё слово — истинная правда, не смею лгать вам! Все знают, как вы милосердны и справедливы, явите же милость, пощадите нас!

Цзя Чжу усмехнулся:

— Теперь понимаешь, зачем я велел задержать твоего хозяина? Если бы я желал вам зла, то давно выдал бы тебя Линь Сююю, а не стал бы запира́ть двери и вести эти разговоры.

Иньши растерянно поднял голову:

— Ничтожный слуга глуп и не смеет разгадывать ваши помыслы, молодой господин. Укажите нам путь!

— Мой помысел прост, — ответил Цзя Чжу. — Вы любите друг друга, но думали ли вы о том, что ждёт вас впереди? Инхэ хочет сама устроить свою судьбу. Я не чета прочим господам: раз она не желает идти за этого калеку Шэня, я не стану принуждать её. Своих людей в обиду не даю. Если кто-то хочет уйти и строить собственную жизнь, удерживать не стану. Бумаги о кабале Инхэ находятся у меня. Я могу выдать ей вольную и отпустить из поместья, чтобы никто больше не смел распоряжаться её судьбой и насильно выдавать замуж за конюхов.

Инхэ не поверила своим ушам. Счастье, внезапное и огромное, ошеломило её. Обливаясь слезами радости, она принялась неистово бить поклоны, выкрикивая слова благодарности благородному хозяину.